

*Светлой памяти
Алексея Георгиевича Аствацатурова*

ПО, БОДЛЕР, ДОСТОЕВСКИЙ

Блеск и нищета национального гения

Коллективная монография
под редакцией
С. Фокина и А. Ураковой

Москва
Новое литературное обозрение
2017

УДК 821(4)"18"
ББК 83.3(4)52
Э18

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. CLXII

- Э18 **По, Бодлер, Достоевский: блеск и нищета национального гения / Коллективная монография; сост., вступ. статья А. Уракова, С. Фокин.** — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 496 с.

ISBN 978-5-4448-0662-3

В коллективной монографии представлены труды участников I Международной конференции по компаративным исследованиям национальных культур «Эдгар По, Шарль Бодлер, Федор Достоевский и проблема национального гения: аналогии, генеалогии, филиации идей» (май 2013 г., факультет свободных искусств и наук СПбГУ). В работах литературоведов из Великобритании, России, США и Франции рассматриваются разнообразные темы и мотивы, объединяющие трех великих писателей разных народов: гений христианства и демоны национализма, огромный город и убогие углы, фланер-мечтатель и подпольный злопыхатель, веющие птицы и бедные люди, психопатии и социопатии и др.

УДК 821(4)"18"
ББК 83.3(4)52

В оформлении обложки использованы портреты Эдгара По (1889) и Шарля Бодлера (1869) работы Э. Мане. The New York Public Library

© А. Уракова, С. Фокин, составление, вступ. статья, 2017
© Авторы, 2017
© О. Волчек, Е. Куррова, В. Охнич, А. Уракова, С. Фокин, А. Честная, пер. с французского языка, 2017
© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

Сергей Фокин, Александра Уракова

ВВЕДЕНИЕ О наших прочтениях и разнотениях

I. О «петербургских повестях» Эдгара А. По и методе работы Бодлера-биографа

Для начала несколько вступительных замечаний о том, почему встреча По, Бодлера и Достоевского, никогда не встречавшихся в жизни, но прочно связанных друг с другом разнообразными литературными связями, могла состояться лишь в Петербурге, «самом фантастическом городе, с самой фантастической историей из всех городов земного шара» (Ф.М. Достоевский).

Первое, что приходит на ум в ответ на этот вопрос, сводится к одной автобиографической детали, которая не всегда верно оценивается биографами американского писателя: самому По случалось видеть себя в Петербурге, к тому же при весьма загадочных обстоятельствах. Действительно, когда в мае 1841 г., откликнувшись на просьбу Руфуса Гризуолда (1815—1857), готовившего к печати антологию «Поэты и поэзия Америки», в которую По очень хотелось поместить свои стихотворения, писатель стал составлять так называемый «Меморандум» («Автобиографическую заметку»), из-под его пера вышла одна небылица, которой суждено было сыграть злую шутку с незадачливым сочинителем. Приведем здесь этот набросок неоконченной «петербургской повести» По:

Поскольку г-н Аллан отказался возместить мои долги чести, я сбежал из дома без единого доллара в кармане и отправился в донкихотскую экспедицию к грекам, сражавшимся за свободу. Не сумев попасть в Грецию, я добрался до Санкт-Петербурга, в России. Там столкнулся с множеством трудностей, но был спасен благодаря доброте мистера Г. Миддлтона, американского консула в Санкт-Петербурге. Целым и невредимым вернулся домой в 1829 г.¹.

Наверное, редкий российский исследователь американской литературы, в поле зрения которого попадал этот текст По, избежал соблазна задаться вопросом, почему, сочиняя свою биографию для Руфуса Гризуолда, автор «Похищенного письма» ввернул в собственное

¹ Poe E.A. Memorandum [Autobiographical Note].

Архивы

- РГАЛИ. Ф. 514. Оп. 1. № 38 (Дневник А.И. Урусова. Т. 1. 1858—1860).
 РГАЛИ. Ф. 514. Оп. 1. № 43 (Записные книжки А.И. Урусова. 1881—1890).
 РГБ. Ф. 311. Карт. 5. № 4 (Черновые наброски А.И. Урусова по вопросам критики и анализа художественных произведений).
 РГБ. Ф. 311. Карт. 5. № 24 (Урусов А.И. Шарль Бодлер. Этюд).
 РГБ. Ф. 311. Карт. 7. № 10 (Материалы А.И. Урусова по изучению жизни и творчества Г. Флобера).
 РНБ. Ф. 124. № 4436 (Фонд П.Л. Вакселя. Переписка).

Дмитрий Токарев

«ИХ БОДЛЕР». ВОСПРИЯТИЕ БОДЛЕРА В РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ: БЕРБЕРОВА, АДАМОВИЧ, ПОПЛАВСКИЙ

Поэтический авторитет, которым пользовался Бодлер у русских поэтов эпохи Серебряного века, является хорошо известным фактом. Подтверждение тому — множество переводов из французского проклятого поэта, а также немалое количество работ, посвященных его личности и творчеству, среди которых выделяется своим оригинальным подходом статья князя А.И. Урусова «Тайная архитектура “Цветов Зла”»¹. Напротив, в кругах русской эмиграции, среди представителей которой были люди разных поколений и разных творческих ориентиров, в том числе и вышедшие из символизма и акмеизма, имя Бодлера воспринималось с известной сдержанностью. Конечно, надо принимать в расчет тот факт, что в силу естественного хода времени Бодлер из модного и актуального поэта стал уважаемым классиком, имя которого по праву шло первым в ряду французских поэтов второй половины XIX века (Бодлер, Верлен, Рембо, Малларме); образование самого этого ряда свидетельствовало о неизбежном перерождении еще недавно живого литературного пространства в схематизированное пространство учебника литературы, полное клише и общих мест.

Показательно в этом плане выступление Нины Берберовой на заседании Франко-русской студии в Париже (16 декабря 1930 г.)², посвященном символизму в России и во Франции. Берберова обозначила

¹ Опубликована по-французски вместе с двумя другими исследованиями в альманахе «Le tombeau de Charles Baudelaire». См. русский перевод и статью С. Сапожкова об Урусове — комментаторе Бодлера в «Вопросах литературы», а также главу В. Зусмана и С. Сапожкова в наст. изд. (с. 346—362).

² Всего имело место 14 заседаний, на которых обсуждались такие темы, как творчество Пруста, Жида, Валери, Пеги, Достоевского, Толстого; беспокойство в литературе, влияние французской литературы на русских писателей после 1900 г. и, соответственно, восприятие русской литературы во Франции; французский и русский роман после 1918 г.; советская литература, Декарт и современная философия, духовное возрождение в России и Франции. Первое заседание состоялось 29 октября 1929 г., последнее — 28 апреля 1931-го.

См. о Студии: Livak L. Introduction; Livak L. La dimension littéraire du Studio franco-russe; Victoroff T. L'émigration, lieu de rencontres culturelles: le Studio franco-russe, «tribune libre» des années 1930; Токарев Д.В. «Русская душа» и «esprit français»:

несколько тенденций внутри русского символизма: прежде всего это формальные поиски москвичей Валерия Брюсова и Константина Бальмонта, испытавших сильнейшее влияние Верлена, Бодлера, Малларме, а также Метерлинка; у петербуржцев, Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, напротив, интерес к содержанию перевешивал интерес к форме; к синтезу формы и содержания стремились поклонники Владимира Соловьева Андрей Белый и Блок; наконец, Вячеслав Иванов пришел к символизму своим путем, ориентируясь не на французов и не на Соловьева, а на античность. Таким образом, согласно Берберовой, французское влияние ощущимо только в той страте русского символизма, которая связана с именами Брюсова и Бальмонта. И поскольку эта страта критикуется русской писательницей за излишнюю любовь к звуковой стороне слова, ее критика имплицитно переходит и на тех, чье творчество было ориентиром для Брюсова, Бальмонта и их эпигонов. Поэты, которые, по убеждению Берберовой, составили славу русского символизма, — Блок, Белый, Иванов, Мережковский, Сологуб, Анненский — оказывались не подвержены этому, как выясняется, не слишком продуктивному французскому влиянию.

Требует пояснения здесь прежде всего тот факт, что для Берберовой вышеизванные французские поэты несомненно принадлежат к символизму, в то время как французские участники заседания зачастую были склонны рассматривать их отдельно от данного поэтического направления. К примеру, поэт-символист Андре Фонтена (Fontaines), сделавший доклад о символизме во Франции, расставил акценты следующим образом: вначале упомянуты Малларме и Верлен, затем Рембо и Лафорг и уже затем Мореас, Верхарн, Клодель, Валери, Поль Фор, Альбер Мокель; среди прозаиков Рашильд, Реми де Гурмон, Метерлинк, Жюль Ренар. О Бодлере характерным образом не сказано ни слова³; на первом же месте стоит «учитель» Фонтена Малларме. Литературный критик Станислас Фюме (Fumet), опубликовавший в 1926 г. книгу «Наш Бодлер» (*«Notre Baudelaire»*), во время дебатов, последовавших за докладами, не включил в список символистов даже Малларме, а лишь назвал его учеников, показав себя сторонником узкого толкования французского символизма как течения, основанного в 1886 г. Жаном Мореасом. С ним согласился философ Жан Максанс (Maxence), заявивший: «Если символизм идет от Бодлера к г-ну Валери, я тогда вообще не понимаю, что такое символизм» (*«Si le symbolisme va de Baudelaire à M. Valéry, je ne comprends plus ce qu'est*

обсуждение художественных и идеологических проблем на заседаниях Франко-русской студии в Париже (1929—1931).

³ Хотя название одного из его собственных поэтических сборников — *«Le sang des fleurs»* — непосредственно отсылает к «Цветам Зла».

le symbolisme»)⁴. Слово на заседании брали и противники такого подхода, например известный критик Рене Лалу (Lalou), который первый вспомнил о Бодлере, но тем не менее отнес к собственно символистам только Малларме (и Верлена), а Бодлера и Рембо определил как их предшественников (391)⁵. Такой подход, когда великие предшественники отделяются от собственно символистов, позволяет возложить ответственность за недостатки, объективно присущие символизму, — прежде всего склонность к «бормотанию» (*balbutiement*), по выражению Фюме, — на поэтов 1890 г., то есть, по сути, на последователей Малларме. Именно этого добивается Фюме, противопоставляя символистов «слова, пейзажа и безделицы» (*«du mot, du paysage et du bibelot»*) и символистов «того, что в высшей степени реально» (*«du plus grand réel»*), сумевших «перерастя рамки литературы, чтобы овладеть ею» (*«Tous ceux, enfin, qu'une force intérieure a fait sortir des cadres de la littérature, pour la dominer»* — 387). К последним и относятся Бодлер, Верлен, Рембо, Клодель, а также, с оговорками, Малларме. Берберова же, напротив, упоминая Бодлера и в особенности Верлена лишь в связи с критикуемыми ею Брюсовым и Бальмонтом, волей-неволей делает французских поэтов ответственными за тот поэтический тупик, куда зашли их русские последователи⁶.

По-видимому, это почувствовал Владимир Вейдле, выступивший на дебатах и, по сути дела, взявший под защиту Бодлера и Рембо. По мысли Вейдле, лишь Анненский по-настоящему знал французскую поэзию; остальные же испытали на себе влияние «некоторых приемов, которые были общими для французских символистов, но не влияние выдающихся поэтических личностей, принадлежавших к этому движению» (*«Quant aux autres ils n'ont subi que l'influence de quelques*

⁴ Le Studio Franco-Russe. P. 393; в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

⁵ Похожего мнения придерживался Н. Гумилев, когда в предисловии к плавнившему в издательстве «Всемирная литература» тому сочинений Бодлера отметил, что «Бодлер в действительности не примыкал ни к какой школе и не создал своей. Во Франции его считали то романтиком, то парнасцем, у нас почему-то еще и символистом. Но для того, чтобы быть романтиком, ему не хватало ни культа чувства, ни театрального пафоса, ни характерного многословья. Для парнасцев он был слишком нервен, слишком причудлив, и он говорит не столько о вещах мира, сколько о вызываемых ими ощущениях. С символистами у него общего только то, что они у него заимствовали, главным образом, утонченная фонетика стиха, но ни ощущения многопланности бытия, ни желания дать почувствовать за словами абсолютное у него не было» (Гумилев Н.М. Поззия Бодлера. С. 238).

⁶ В своем докладе о французском влиянии на русскую литературу после 1900 г., сделанном на втором заседании Студии (26 ноября 1929 г.), Юлия Сазонова фактически взяла под защиту Брюсова, отзовавшись о нем как о достойном последователе Верлена и Бодлера (68).

procédés que les symbolistes français avaient en commun, non pas celle des personnalités poétiques vraiment marquantes» — 384). Так, искусство Бодлера и Рембо осталось непонятым в своей глубинной сущности, и это непонимание породило, в частности, феномен «поверхностного макабрического бодлерианства». Вейдле здесь наверняка имеет в виду тех же Брюсова и Бальмонта, хотя прямо и не называет их. Если что-то объединяет на глубинном уровне французских и русских поэтов, то эти соответствия ни в коей мере не являются продуктом влияния: к примеру, у душераздирающих интонаций Блока есть нечто общее с Рембо; стремление Белого и Иванова создать своего рода метаэпосию сближает их с Малларме; в поэзии Ходасевича пронзительная и глубоко волнующая нота заставляет вспомнить о Бодлере, хотя исторически никак с ним не связана. Итак, в то время как эпигоны Бодлера, Верлена и Рембо остались на уровне поверхностной имитации формальных приемов, отличавшиеся большей оригинальностью поэты-символисты, в сущности, мало чем были обязаны своим французским собратьям. Вывод, к которому приходит Вейдле, вполне отвечает озвученной Берберовой схеме влияния французской символистской поэзии на русскую, согласно которой это влияние ограничилось лишь одним ее, периферийным по своей сути, сегментом. Вейдле лишь по-другому расставляет акценты, указывая, что русское бодлерианство имеет мало общего с Бодлером. Надо добавить, что Вейдле так и не сказал, в чем же состояла сущность искусства Бодлера, а его статья о поэте, опубликованная в газете «Последние новости» в сентябре 1932 г. под характерным для газетной продукции названием «Конец Бодлера», эксплуатирует пользующуюся популярностью у читателей тему последних дней известного человека, хотя и не лишена глубины психологического анализа, что позволяет поставить ее в один ряд с историко-психологическими очерками Марка Алданова⁷.

Любопытно, что если на других заседаниях Студии выступления русского и французского докладчиков вызывали заинтересованную

⁷ В переработанном виде вошла в эссе В.В. Вейдле «Три предсмертья». Георгий Иванов невысоко оценил это эссе в своем письме главному редактору «Нового журнала» М.М. Карповичу (апрель 1952 г.): «Вейдле прямо трагическая фигура в своем роде. Ведь он действительно изучил все, что можно изучить о Бодлере или Стендале. Он и «высоко образованный», и умный человек. И предан этому самому искусству и всяческому вечному и прекрасному]. Но словесная бездарность такова, что не может даже толком обнаружить своих знаний. Я — человек невежественный плюс крайне ленивый. Читаю главным образом полицейские романы, о том же Бодлере или Стендале что и когда и если попадется, и тут же многое забываю. И вот все, что сказано Вейдле о всех трех, мне, «профану», известно. Удивляет одна стилистика, как всегда — неизменно. Одни «предсмертья» чего стоят! (Избранные письма разных лет. http://aldebaran.ru/author/vladimirovich_ivanov_georgiyi/kniga_izbrannye_pisma_raznyih_let). Вейдле принадлежит также статья «Новонаайденные стихи Бодлера», где он разбирает издание, выпущенное Жюлем Муке (Mouquet) (С. 3).

реакцию с обеих сторон, то на заседании, посвященном символизму, французы проигнорировали выступление Берберовой, а русские слушатели остались равнодушными к развернувшейся среди французов дискуссии о поэтической филиации. Это вполне объяснимо: в самом деле, имена русских поэтов мало что говорили французской аудитории, и только в конце заседания председательствовавший Всеволод Фохт попытался исправить положение, прочитав вслух «Незнакомку» Блока в переводе Жана Шюзевиля. Однако сделал он это уже после того, как были продекламированы стихотворения «Балкон» («Le Balcon») Бодлера и «Шаги» («Les Pas») Валери, так что блоковский текст, эмблематичный для русского символизма, оказался вписаным в поэтическую перспективу, в которой главная роль, в глазах французов, отводилась Бодлеру. Во французском переводе к тому же «Незнакомка» отчетливо приобрела черты, свойственные многим стихотворениям «Цветов Зла».

Еще одна причина, которая объясняет отсутствие французской реакции на доклад Берберовой, заключается в том, что русская писательница в целом интерпретировала русский символизм как национальное явление, за исключением той его части — не самой, по ее мнению, лучшей, — которая находилась под французским влиянием. Не имея возможности судить о поэтических достоинствах стихов Белого, Блока, Иванова, раннего Мережковского, французы вряд ли могли примириться с тем, что имена Бодлера и Верлена были «привязаны» в докладе Берберовой к декадентской ветви русского символизма, чьи представители, как не преминула напомнить докладчица, были одержимы «болезнью к смерти», а некоторые из них, как, например, Виктор Гофман и Нина Петровская, даже покончили с собой в Париже. Могло ли это понравиться, скажем, Станиславу Фюме, назвавшему Бодлера символистом «того, что в высшей степени реально»?

Объяснимо и то, почему русские участники заседания практически устранились от дискуссии (а ведь в зале были Ходасевич, Павел Муратов, Николай Милиотти, имевшие непосредственное отношение к символизму): в докладе Фонтена их должно было смутить предпочтение, которое докладчик отдал вопросам стихотворной формы, а также тот факт, что, не упомянув ни словом Бодлера, он свел символизм к школе Малларме; спором о частностях должна была им показаться и последующая развернувшаяся между французами жаркая дискуссия, кого можно назвать символистом, а кто не вмещается в эти рамки. Но в том-то и дело, что вопрос о терминологии не казался французам второстепенным, поскольку позволял поставить под сомнение клишированные представления о французском символизме, которые доминировали в докладе Берберовой. Действительно, упоминания о влиянии Верлена на Брюсова и Бальмонта, Берберова два раза цитирует знаменитую строчку «De la musique avant toute chose», как

будто вся поэзия Верлена сводится к этой строчке. Верлен, как и Бодлер, становится ответственным за «формализм» Брюсова и Бальмонта.

Словно отвечая Берберовой, Фюме, напротив, подчеркивает, что надо говорить не о тираническом влиянии музыки на современную поэзию и мысль, но скорее о тирании «некоей музыки, некоей музикальной лени, навязавшей символистской поэзии так называемый свободный ритм, который обычно оказывается не свободным, а рас slabленным» (*«Tugannie d'une certaine musique, d'une certaine paresse musicale, qui a entraîné la poésie symboliste dans un rythme prétendu libre, mais plus ordinairement relâché que libre»* — 386). Верлен, как считает Фюме, был символистом по призванию, а не потому, что так удобнее с эстетической точки зрения. Другими словами, Верлен точно так же выходит за рамки собственно литературы, как и Бодлер, и является таким же символистом-«реалистом».

Такое понимание Бодлера находит свою параллель в двух статьях Георгия Адамовича: одна из них посвящена собственно французскому поэту и приурочена к 60-летию со дня его смерти⁸; вторая, хоть и называется «Некрасов» и написана к 60-летию со дня смерти русского классика, также уделяет Бодлеру значительное внимание⁹. Адамович признает, что Бодлера можно воспринимать как поэта-разрушителя, «ненавидящего все устоявшееся и застоявшееся», чье творчество определяется французским словом *subversif*. Но это «первый, наружный облик» Бодлера, скрывающий его настояще лицо. Скульптурным выражением такого «карикатурного» облика Адамович считает кенотаф Бодлера, поставленный на Монпарнасском кладбище в 1902 г. (скульптор Жозе де Шармуа) и ошибочно принимаемый русским критиком за надгробный памятник. «Еще издалека видны две торчащие вверх, огромные каменные ступни. На могильной плите лежит каменное изваяние — мертвец, завернутый в саван. А высоко над ним — вместо креста — какое-то идиотское, грузное чудище, склонившееся не то с угрозой, не то с усмешкой, — возмущается Адамович. — Это — “дух зла”. Памятник является, по-видимому, аллегорией творчества поэта. Ничего более достойного потомки не придумали. Поэзию Бодлера они свели к карикатуре, еще раз подтвердив старую истину: не бойся врагов, бойся друзей. Надгробный памятник этот есть один из редких образцов подлинного кощунства»¹⁰.

На такой могиле не посидаешь, не подумаешь по русской привычке «обо всем и ни о чем». Возможно, Адамович просто перепутал кенотаф с могилой и так и не добрался до настоящего захоронения Бодлера,

⁸ Адамович Г. Памяти Бодлера. Звено. 1927. 1 сент. № 3. С. 136—140; перепечатана с изменениями в: Числа. 1933. № 7—8. С. 232—236.

⁹ Он же. Некрасов.

¹⁰ Он же. Памяти Бодлера. С. 232.

но вероятен и другой вариант: критик сознательно пошел на подмену, посчитав, что эффектный монумент Шармуа, искажающий истинный облик Бодлера, позволит ему лучше проиллюстрировать свою мысль о двух лицах французского поэта. Настоящее же надгробие Бодлера не позволило бы ему это сделать по той простой причине, что в действительности это надгробие не Бодлера, а его столь ненавидимого им отчима, генерала Опика.

Каково же, по Адамовичу, истинное лицо поэта? Адамович утверждает, что творчество Бодлера с его «демонизмами и соблазнами есть редчайший в новой Европе пример поэзии действительно — христианской, — по страстному ее вкусу к страданию, по неисцелимой ее зараженности этим чувством»¹¹. Бодлер остро ощущает присутствие в мире ада и рая, страдания и блаженства, и в этом плане он напоминает Данте — но Данте, как выразился Барбे д'Оревильи, «явившегося после Вольтера». И здесь Адамович проводит неожиданную параллель, которую разовьет в статье о Некрасове: «У нас ему родственен и близок Некрасов», пишет русский критик, подразумевая, по-видимому, то, что в стихах Некрасова дантовская «опаляющая страсть» так же, как и у Бодлера, «ослаблена» упадком воли. Но если у Бодлера это отсутствие воли оборачивается всепоглощающей иронией, то в голосе Некрасова «металл» скрывает «детское неведение». «Бодлеру на русском языке мог бы соответствовать, — продолжает Адамович, — Некрасов, отравленный, осложненный и охлажденный Иннокентием Анненским»¹². Нина Берберова ожидаемым образом противопоставила в своем докладе Некрасова и символистов, в том числе Бодлера; Адамович же, напротив, уходит от избитых схем и предлагает свежий взгляд как на Некрасова, роль которого в русской литературе больше не сводится к воспеванию гражданского чувства, так и на Бодлера, освобожденного от при克莱ившегося к нему ярлыка прародителя декадентов и певца субверсивного. Бодлер, в сущности, «восстановил естественное равновесие между искусством и жизнью»¹³, подняв на высоту поэзии всю тяжесть бытия, отмечает Адамович.

Бодлер — и в этом он вновь созвучен Некрасову — поэт христианский, но помимо собственной воли: «Из его поэзии трудно сделать иной вывод, кроме христианского, — говорит Адамович в статье «Некрасов», — но он сам, при всем своем ясновидении, вывода не сделал: значит не захотел сделать»¹⁴. Некрасов также, несмотря на

¹¹ Там же. С. 233.

¹² Там же. С. 234.

¹³ Там же.

¹⁴ Адамович Г. Некрасов. С. 417.

В статье, посвященной собственно Бодлеру, Адамович указывал еще на одно «христианское» качество французского поэта, роднящее его на этот раз с Досто-

свой «трезвый, умный» позитивизм, — поэт страдания, а значит, поэт христианский: «Если кому-нибудь в русской поэзии доступно было ощущение «страдания как источника жизни», — то лишь Некрасову. Он мог сколько угодно отрекаться от того, чему безотчетно служил, — из глубины его уязвленной души всегда вздымались вопли и мольбы, правда, без адреса. *“De profundis clamavi”*. Но адрес должны надписать те, кто Некрасова теперь читает¹⁵.

Понятно, почему близкий Адамовичу Борис Поплавский, говоря о Бодлере как об «ужасном и несравненно чудовищном гении» (в незаконченной статье «Об осуждении и антисоциальности», послужившей, вероятно, основой для выступления на дискуссии «Искусство и политика» 12 декабря 1930 г.), ставит его в один ряд с Огюстом Барбье, Золя и Генри Джеймсом, противопоставляя этих авторов Полю Бурже, Ростану и Анри де Ренье, «литераторам для консьержек и приват-доцентов»¹⁶. Такое сочетание могло бы показаться странным, если бы Бодлер был прочитан Поплавским в духе Берберовой, но молодой поэт понимает, что эстетство французского поэта неравнозначно «эстетическому мракобесию», а его антисоциальность является лишь кажущейся и вызвана тем, что Бодлер (как Рембо и Малларме, а также Эпиктет и Марк Аврелий) нашел свой «тайный и проклятый способ существования»¹⁷. Этот способ неравносителен занятию некоей определенной гражданской позиции, но не означает и полного ухода в «холодный эстетизм»: неслучайно Поплавский, который пытается в своей статье примирить несоциальность Лермонтова и Тютчева, с одной стороны, и социальность Некрасова, с другой, вспоминает о Николае Ставрогине: «И Ставрогин был народником, — говорит Поплавский, — однако не вмешивался в социальное действие, ибо Ставрогин был одним из «змеев с дерева познанья», а не плодом с «дерева жизни»»¹⁸. Поплавский приводит те же самые знаменитые строки Некрасова — «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», — которые по-французски цитирует в своем докладе

евским (и с Данте), — на «врожденное чувство греха». Впрочем, в качестве примера критик приводит строчку из стихотворения «Благословение» (*«Bénédiction»*): «*Je sais que la douleur est la noblesse unique...*» — в которой говорится не о грехе, а о страдании, о боли.

Ср. также с высказыванием Мандельштама в статье «Слово и культура» (1921): «Декаденты были христианские художники, своего рода последние христианские мученики. Музыка тления была для них музыкой воскресения. *“Charogne”* Бодлера — высокий пример христианского отчаяния» (Мандельштам О.Э. Слово и культура. С. 214). См.: Лекманов О. Мандельштам и Бодлер.

¹⁵ Адамович Г. Некрасов. С. 417.

¹⁶ Поплавский Б. Об осуждении и антисоциальности. С. 61.

¹⁷ Он же. Дневники. С. 406. Впрочем, в рукописи имя Бодлера зачеркнуто.

¹⁸ Он же. Об осуждении и антисоциальности. С. 58.

и Берберова. Но если последняя привычным образом противопоставляет гражданский пафос Некрасова отсутствию такового у символистов, Поплавский старается уйти от фронтального столкновения двух позиций и если не примирить их, то хотя бы наметить ту точку, в которой они могли бы, как две евклидовы параллельные прямые, пересечься. Для него эта точка находится в области «социального апокалипсиса», то есть там, где нет места поверхностной «злободневной гражданственности», но вырабатываются механизмы познания глубинных социальных процессов, которые связаны, как сказал бы Бердяев, с диалектикой божественного и человеческого и с пониманием конечности мировой истории.

«Сейчас можно писать лишь для тайнovidенья и удовлетворения совести, — говорит Поплавский, — и лучше всего темным сибиллическим языком Джойса и Жуандо. Литература возможна для нас сейчас лишь как род аскезы и духовиденья, исповеди и суда, хотя на этом пути ей, может быть, придется превратиться из печатной в рукописную, подобно средневековой Каббале»¹⁹. Таким образом, социальное чувство в современную эпоху должно выражаться «темным» языком, и именно здесь, в этой точке, снимается оппозиция формы и содержания. Бодлер для Поплавского очевидным образом принадлежит, как и Джойс, Марсель Жуандо или Ставрогин, к «змеям с дерева познанья», для которых «уход в сибиллическое» есть «единственная правда».

Отметим, что для Поплавского писать «сибиллическим» языком не означает писать языком неточным, аморфным, музыкальным в том смысле, какой придал этому слову Станислас Фюме, говоря о тирании «некоей музыки, некоей музыкальной лени» у символов. Согласно Поплавскому, поэтическое искусство «рождается из разговора музыки с живописью. (Проявленного духа со сферой отражения и замирания.)» Искусство начинается там, где «формы сопротивляются музыке»²⁰. Три имени приводят здесь Поплавский, чтобы проиллюстрировать свою идею о сфере, где происходит зарождение слова как продукта конфликта бесформенной музыки с порожденными ею же визуальными формами, — это Эсхил, Тютчев и Бодлер. Знаменательно, что Адамович в своей статье о Бодлере оперирует похожими понятиями, противопоставляя романтическую стихию музыки, стихию слышимого, и тот материал, с которым работает Бодлер и который связан прежде всего со зрением, с возможностью видеть: «За каждым словом у него чувствуется не механическая выучка, не ловкость рук, а творческий опыт — и классическая, суховатая точность его, впервые обращенная на романтический хаос, иногда ослепительна.

¹⁹ Там же. С. 60.

²⁰ Поплавский Б. Дневники. С. 417.

Матерьял романтизма, который до Бодлера был только слышным, — впервые становится видимым. Музыка впервые у него — подчиняется зрению, — и новый мир, в первоначальных черновых своих чертах, построен...»²¹.

В качестве примера такого визуального материала Адамович приводит образы Парижа в стихотворении «Le crépuscule du matin» (в переводе Зенкевича «Утренние сумерки»)²²: «Дымно-туманный, леденящий рассвет над Парижем — небольшое, описательное стихотворение, полное трагизма, столь напряженного и столь действительно нового, что его хватило бы десятку поэтов на множество томов “сбораний сочинений”»²³.

Об этом стихотворении Бодлера Адамович вспоминает в статье, посвященной Некрасову, и сравнивает его со стихотворением русского поэта «Утро» (1872—1873)²⁴: «У него не было, да и не могло быть,

²¹ Адамович Г. Памяти Бодлера. С. 235.

²² Адамович критически оценивает перевод М. Зенкевича, называя его «плотски-грубым» и «подчеркнуто-тяжёлым». Как «тяжелый» он характеризует и перевод «Цветов Зла», выполненный Адрианом Ламбле (см.: Адамович Г. «Цветы Зла» Шарля Бодлера в переводе Адр. Ламбле. С.'3). Единственный перевод Ламбле, который вкратце анализирует Адамович, —сонет «Brumes et pluies», упомянутый и в статье «Памяти Бодлера». См. также рецензию Бицилли (Бицилли П.М. Бодлер. «Цветы Зла» в переводе А. Ламбле. С. 242—245). Бицилли более подробно разбирает отрицание Ламбле, а также — довольно неожиданным образом — сближает в своей рецензии Бодлера и Пушкина, относя обоих к той категории поэтов, у которых смысл создает ритм, а не наоборот. Бодлер даже еще более «немузыкален», чем Пушкин: «У Пушкина “смысл”, создавая ритм, дает начало тому “неизъяснимому”, которое вместе и углубляет “собственное” содержание смысла, и преображает его в некое подобие “другого плана” бытия. У Бодлера ритм вполне адекватен первоначальному “смыслу”» (С. 244).

²³ Адамович Г. Памяти Бодлера. С. 235. Другой пример — стихотворение «Le Balcon» «с его глубочайшей “сладостью”, прочитанное, между прочим, на заседании Франко-русской студии, а также «Brumes et pluies», третий «Spleen», «Parfum exotique».

²⁴ Впрочем, Адамович не первым обратил внимание на схожесть городских «картин» двух поэтов; так, Брюсов отметил, что «Некрасов сумел найти красоту в таких областях, перед которыми отступали его предшественники. Его сумрачные картины северного города могут посоперничать с лучшими страницами Бодлера (и вообще в его даровании, как ни странно такое сближение, есть доля чего-то бодлеровского)» (Брюсов В. Ответ на анкету «Отжил ли Некрасов?». С. 3). Некрасов не мог не знать бодлеровского стихотворения, первый русский перевод которого (выполненный прозой и под названием «Утро») был напечатан Николаем Сазоновым (Сазонов Н. (Карл Штакель). Новейшая поэзия во Франции, в Италии и в Англии. С. 15). См.: Фокин С.Л. Пассажи: Этюды о Бодлере. С. 219—221. Адриан Ваннер, со своей стороны, удивляется, что Некрасов не заметил Бодлера; см.: Wanner A. Baudelaire in Russia. Р. 191. В другой работе С.Л. Фокин обращает внимание на схожесть городских «картин» Бодлера и Достоевского: см.: Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. С. 300—318.

конечно, ни бодлеровского “культурного возраста”, ни бодлеровского кругозора. Но то, что сделал Бодлер, попытался сделать и он: отверг поэзию-недорогу, не захотел взлететь без всего, что в силу на себя человек нагружать. Полет, может быть, не так высок, как было бы многим желательно. Но и цена ему не та, чем порханию иных литературных мотыльков... Кстати, у Некрасова есть стихи, настолько совпадающие в рисунке с одним из генинейших созданий Бодлера, что возникает вопрос, обусловлено ли общностью в отношении к жизни, общностью в тоне, прямое совпадение отдельных тем: имею в виду бодлеровский “Рассвет” и некрасовское “Утро” (“выстрел — кто-то покончил с собой”). Конечно, о сравнении с художественной точки зрения — не может быть и речи. Но то, что наш Николай Алексеевич, даже говоривший, по свидетельству Кони, все больше на “о”, все-таки додумался до того, на что натолкнулся и что открыл Бодлер, достаточно удивительно»²⁵.

Итак, можно обозначить две тенденции в восприятии фигуры Бодлера в русской эмиграции: первая связана с традиционным, укоренившимся еще в конце XIX — начале XX века представлением о Бодлере — декадентском поэте, поэте субверсивного, поэте-демоне, по определению его переводчика Эллиса²⁶; вторая уходит от этого клишированного представления и предлагает новый взгляд на французского поэта и на символизм в целом. Это связано как с тем, что наиболее проницательные критики, такие как Адамович, могли быть в курсе современных французских трудов о Бодлере (например, книги Фюме), так и с тем, что, как отметил Николай Богомолов, «и в метрополии, и в диаспоре с начала 1930-х годов его поэзия все более и более становится историей, предметом изучения, а не непосредственного переживания»²⁷. Взгляд на Бодлера становится, с одной стороны, более объективным²⁸, но, с другой, и живой интерес к его фигуре ослабевает: Бодлер теперь интересен не только и не столько сам по себе, сколько в качестве фигуры литературного сопоставления: к нему обращаются, когда нужно опровергнуть устоявшиеся представления о каком-то русском авторе; так возникают неожиданные параллели, например Бодлер и Некрасов²⁹, Бодлер и Достоевский (у Адамовича) и даже (как в рецензии Бицилли) — Бодлер и Пушкин.

²⁵ Адамович Г. Некрасов. С. 416.

²⁶ См. тезисы доклада Эллиса 18 ноября 1908 года (опубл. в: Богомолов Н.А. Из истории русского бодлерианства. Три заметки. С. 547—548).

²⁷ Там же. С. 544.

²⁸ Адамович не случайно цитирует в главе о Бодлере строчку из стихотворения Малларме «Гробница Эдгара По»: «Tel qu'en Lui-même enfin l'éternité le change...».

²⁹ См. также монографию, в которой возникает имя Бодлера: Corbet Ch. Nekrasov: l'homme et le poète.

Список литературы

- Адамович Г.В. Некрасов // Современные записки. 1937. № 65.
- Адамович Г.В. Памяти Бодлера // Числа. 1933. № 7—8.
- Адамович Г.В. «Цветы Зла» Шарля Бодлера в переводе Адр. Ламбле // Последние новости. 1930. 27 февр. № 3263.
- Бицилли П.М. Бодлер. «Цветы Зла» в переводе А. Ламбле // Числа. 1930. № 2—3.
- Богомолов Н.А. Из истории русского бодлерианства. Три заметки // Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века». М., 2010.
- Брюсов В.Я. Ответ на анкету «Отжил ли Некрасов?» // Новости дня. 1902. 27 дек. № 7023.
- Вейдле В.В. Новонайденные стихи Бодлера // Возрождение. 1929. 18 апр. № 1416.
- Вейдле В.В. Три предсмertья: Стендаль, Гейне, Бодлер // Новый журнал. 1952. № 28.
- Гумилев Н. С. Поэзия Бодлера // Гумилев Н.С. Собрание переводов: В 2 т. М., 2008. Т. 1.
- Иванов Г.В. Избранные письма разных лет. http://aldebaran.ru/author/vladimirovich_ivanov_georgiyi/kniga_izbrannyie_pisma_raznyih_let.
- Лекманов О.А. Мандельштам и Бодлер // Toronto Slavic Quarterly. № 23. <http://www.utoronto.ca/tsq/23/Lekmanov.shtml>.
- Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1993. Т. 2.
- Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений: В 3 т. М., 2009. Т. 3.
- Сазонов Н.И. (Карл Штахель). Новейшая поэзия во Франции, в Италии и в Англии // Отечественные записки. 1856. № 2. Февраль.
- Сапожков С. Князь Александр Иванович Урусов — человек эпохи предмодернизма // Вопросы литературы. 2008. № 5. Сентябрь—октябрь.
- Токарев Д.В. «Русская душа» и «esprit français»: обсуждение художественных и идеологических проблем на заседаниях Франко-русской студии в Париже (1929—1931) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 457—478.
- Фокин С.Л. Пассажи: Этюды о Бодлере. СПб., 2011.
- Фокин С.Л. С. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб., 2013.
- Corbet Ch. Nekrasov: l'homme et le poète. Paris, 1948.
- Livak L. La dimension littéraire du Studio franco-russe // Revue des études slaves. T. 75. 2004. Fascicule 3—4. P. 473—491.
- Livak L. Introduction // Le Studio Franco-Russe / Textes réunis et présentés par L. Livak. Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto: Toronto Slavic library. Vol. 1. 2005. P. 7—43.
- Ourosof A. L'Architecture secrète des «Fleurs du Mal» // Le tombeau de Charles Baudelaire. Paris, 1896. P. 9—14.

Victoroff T. Lémigration, lieu de rencontres culturelles: le Studio franco-russe, «tribune libre» des années 1930 // Colloque «Les Premières Rencontres de l'Institut européen Est-Ouest». Lyon, ENS LSH, 2—4 décembre 2004. http://russie-europe.ens-lsh.fr/article.php3?id_article=58.

Wanner A. Baudelaire in Russia. Gainesville, 1996.

Дмитрий Токарев

«Их Бодлер». Восприятие Бодлера в русской эмиграции первой волны: Берберова, Адамович, Поплавский

Аннотация: В статье рассматриваются две тенденции в восприятии фигуры Бодлера в русской эмиграции. Первая связана с традиционным представлением о Бодлере как декадентском поэте (выступление Н. Берберовой на заседании Франко-русской студии в Париже). Вторая уходит от этого клишированного представления и предлагает новый взгляд на французского поэта и на символизм в целом (Г. Адамович, Б. Поплавский); причем Бодлер здесь интересен не только и не столько сам по себе, сколько в качестве фигуры литературного сопоставления: к нему обращаются, когда нужно опровергнуть устоявшиеся представления о каком-то русском авторе, например о Некрасове.

Ключевые слова: Бодлер, декадентство, символизм, русская эмиграция, Берберова, Адамович, Поплавский, Некрасов.

ЧАСТЬ IV МЕЖДУ ВЫМЫСЛАМИ И ДОМЫСЛАМИ

Андреа Скеллино

По, Бодлер, Достоевский: «опасные связи» в свете теории декаданса позднего Ницше

Аннотация: В статье рассматриваются отклики Ницше на творчество Бодлера, а также Достоевского и По. В центре анализа — понятие «Космополиса», образ идеального города для художника-декадента, а также сама концепция декаданса, как она представлена в работах и черновых заметках позднего Ницше. В итоге делается акцент на том, что декаданс европейской культуры, сознанием которого хотел видеть себя сам Ницше, соотносился в его мысли с идеей «осеннего» города и человека.

Ключевые слова: Бодлер, Ницше, Достоевский, декаданс, нигилизм, философия, литература, образ города.

Андрей Аствацатуров

Бодлеровский Париж в текстах Т.С. Элиота и Генри Миллера

Аннотация: В статье рассматривается, каким образом «парижский текст» Шарля Бодлера трансформируется в творчестве двух представителей американского модернизма — Т.С. Элиота и Генри Миллера. Элиот и Миллер, при

всех различиях в их мировоззренческих и эстетических установках, создавая свои урбанистические пейзажи, используют бодлеровскую образность, иногда повторяя и развивая линию Бодлера, иногда вступая с ним в полемику. Элиот осуществляет диалог с Бодлером в своих ранних стихотворениях и поэме «Бесплодная земля», а Генри Миллер — в своем «парижском романе» «Тропик Рака».

Ключевые слова: Бодлер, «парижский текст», Г. Миллер, Т.С. Элиот, модернизм, урбанистическая образность.

Мария Надырных

«Порочный список»: По, Бодлер, Достоевский. В мире слов и недомовок Борхеса

Аннотация: В статье рассматриваются возможные пути и смыслы объединения судеб и текстов По, Бодлера и Достоевского в рассказах, эссе, интервью Х.Л. Борхеса. Упорядочение имен и текстов анализируется в связи с классицистически выделенной у Борхеса идеей классификации и в связи с его концепцией писательского удела в контексте современной одержимости литературой.

Ключевые слова: По, Бодлер, Достоевский, Борхес, письмо и чтение, художественное изобретение, классификация, одержимость литературой.

Татьяна Боборыкина

Фокус на бесконечность: По, Бодлер, Достоевский в пространстве Эйзенштейна

Аннотация: В статье рассматриваются взаимосвязи По, Бодлера и Достоевского и представлен обзор работ Эйзенштейна, в пространстве которых оказываются все три писателя. Статья сфокусирована на малоизвестном очерке Эйзенштейна ««Психология композиции» Эдгара По», где выдвигается парадоксальная трактовка творческого метода По.

Ключевые слова: По, Бодлер, Достоевский, Эйзенштейн, «Философия композиции».

Федор Двинягин

По, Бодлер, Достоевский в работах Романа Якобсона

Аннотация: В своих статьях и заметках по поэтике и истории литературы Р. Якобсон объединяет имена По и Бодлера в связи с их высказываниями о ро-

Tatiana Sokolova

Impossibility of Choice: Baudelaire between the “Impeccable” Gautier and the “poète maudit” Poe

Summary: The article analyzes Baudelaire's intellectual and aesthetic quests between his two “poles of attraction”—Théophile Gautier and Poe. Baudelaire fully sympathized with Gautier's sarcastic statements about “useful” art while Poe's works impressed him with the idea of literature worth in itself. Baudelaire's special attention was attracted by cases of “the exceptional in the terms of morality,” which both Poe and Baudelaire saw as manifestation of the quality inherent in human nature and which both called “the perverse” (“perversité” in Baudelaire's translation).

Keywords: Baudelaire, Poe, Gautier, autonomy of art, odd beauty, perversity.

Olga Panova

The Idols of the Mauve Decade: Poe, Baudelaire, and the American Bohemia of the 1890s

Summary: The article concentrates on the Poe-Baudelaire paradox of the American decadent and bohemian culture of the Mauve Decade. In the 1850–1870s, Baudelaire and Poe were ahead of the “American moment”; in the 1880–1890s, they were left behind together with Whitman and Russell Lowell, because American decadents sensed them as out-of-date Romantics whose innovations had been already well digested by the next, post-Baudelairian generation of European poets. Their time came in the twentieth century, when Baudelaire and Poe were reassessed by the Modernist generation. Underestimated in the “mauve 1890s,” both poets outlived American decadents and bohemians and persisted as underlying key figures in the history of various reincarnations of the American decadent sensibility.

Keywords: Poe, Baudelaire, Ambrose Bierce, Edgar Saltus, James Huneker, Lafcadio Hearn, decadence, Bohemia, Mauve Decade, American-European cultural and literary connections.

Sergey Sapozhkov, Valery Zusman

Prince Alexander Ourosof on Baudelaire in the French Symbolist Periodicals of the 1890s

Summary: The article deals with critical writings of Prince Alexander Ivanovich Ourosof dedicated to Baudelaire and published in a Parisian periodical *La Plume* and in the annual *Le Tombeau de Charles Baudelaire* (Paris, 1896). The focus is on the personality of the Prince Ourosof, a devoted mediator between Russian and French cultures. Ourosof pursued the idea of semi-material, semi-spiritual nature of

the literary text as he conceived literature as a phenomenon of material culture, as a “thing” where every letter or every sign was meaningful and sacred and contributed to the aesthetic whole of the text. He used Baudelaire's work as an example of his theory. The article detects how these ideas led Ourosof to describe *The Flowers of Evil* in terms of its “secret architecture,” as a grand ensemble (“architectonics”) seen in the unity of its verbal, graphic, and typographical properties—an approach that was revolutionary for his time. Also, the article reflects on the genesis of Ourosof's ideas in the French thought (Gustave Flaubert, Jules Amédée Barbey d'Aurevilly) and their further development by the representatives of OPOIAZ and the Russian Acmeism.

Keywords: Baudelaire, Gustave Flaubert, Barbey d'Aurevilly, literature as a “thing,” “architectonics,” “Secret architecture of *The Flowers of Evil*,” “sensual mysticism,” OPOIAZ, Russian Acmeism.

Dmitry Tokarev

“Their Baudelaire”: Baudelaire's Reception by Russian Immigrants of the First Wave. Berberova, Adamovich, Poplavsky

Summary: The article focuses on two major tendencies of Baudelaire's reception in Russian immigration circles of the 1920–1930s. The first one traditionally interprets the French poet as a decadent (cf. Nina Berberova's paper at the French-Russian studio in Paris) whereas the second one tries to avoid clichés and develops a new look on Baudelaire and French symbolism in general (Georgij Adamovich, Boris Poplavsky). For the latter, Baudelaire is interesting not by himself but mainly as a figure of literary comparison serving to debunk stereotypes about certain Russian poets or writers such as Nekrasov.

Keywords: Baudelaire, decadence, symbolism, Russian immigration, Berberova, Adamovich, Poplavsky, Nekrasov.

PART IV BETWEEN FICTION AND SPECULATION

Andrea Schellino

Poe, Baudelaire, Dostoevsky: “Dangerous Liaisons” in the Light of the Decadence Theory of Late Nietzsche

Summary: The essay examines Nietzsche's response to the work of Baudelaire as well as to that of Dostoevsky and Poe. The research focuses on Cosmopolis, the ideal city of a decadent artist, and on the concept of decadence in Nietzsche's late

Телье Виржини (Tellier Virginie) — атташе по французскому языку при посольстве Франции в Москве; специалист по сравнительному литературоведению, сравнительной стилистике и лингвистике, литературному переводу. В 2012 г. защитила докторскую диссертацию «Дискурс безумца в европейской романтической прозе: Германия, Франция, Россия» (*Le discours du fou dans le récit romantique européen: Allemagne, France, Russie*). В настоящее время работает над историей компаративистики в России.

virginie.tellier@ifrussie.ru.

Токарев Дмитрий Викторович — филолог, специалист по русско-французским культурным связям; доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; профессор Высшей школы экономики, СПб.; автор монографий «Курс на худшее: абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета» (НЛО, 2002), «Междуд Индией и Гегелем»: творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе» (НЛО, 2011); составитель и научный редактор сборника «Невыразимо выражимое»: экфрасис и проблемы презентации визуального в художественном тексте» (НЛО, 2013).

tokarevd@mail.ru.

Уракова Александра Павловна — филолог, специалист по творчеству Э.А. По и американской литературе XIX века; кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Автор монографии «Поэтика тела в рассказах Эдгара По» (ИМЛИ РАН, 2009); ответственный редактор коллективной монографии «Deciphering Poe: Subtexts, Contexts, Subversive Meanings» / «Расшифровывая По: подтексты, контексты, субверсивные смыслы» (Lehigh UP/Rowman and Littlefield, 2013). Автор статей по американской литературе в научных сборниках и журналах (включая «НЛО», «New England Quarterly» (NEQ), «The Edgar Allan Poe Review», «Nineteenth-Century Literature»). Член редколлегии журнала «The Edgar Allan Poe Review», в прошлом — «Poe Studies».

alexandraurakova@yandex.ru.

Фэррент Тим (Farrant Tim) преподает французскую литературу XIX века в Оксфордском университете, французскую литературу и язык — в Пембруок-колледже (Оксфорд). Автор монографии «Balzac's Shorter Fictions: Genesis and Genre» / «Короткая проза Бальзака: генезис и жанр» (Oxford UP, 2002), предисловия к «Nineteenth-Century French Literature» / «Французская литература XIX века» (Duckworth, 2007) и «Three novels by Jules Verne» / «Три романа Жюля Верна» (Everyman, 2013), а также многочисленных статей по французской литературе и культуре. В настоящее время работает над несколькими книгами о французской малой прозе XIX века.

tim.farrant@pmb.ox.ac.uk.

Фокин Сергей Леонидович — историк идей, специалист по французской литературе и философии, филолог, переводчик; доктор филологических наук; заведующий кафедрой романских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, в то же время — профессор кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литературы Факультета свободных искусств и наук СПбГУ. Автор пяти монографий, в том числе: ««Русская идея» во французской литературе XX века» (Изд-во СПбГУ, 2003), «Пассажи: этюды о Бодлере» (MACHINA, 2011), «Фигуры Достоевского во французской литературе XX века» (Изд-во РХГА, 2013).

serge.fokine@yandex.ru.

Tatiana Sokolova is a specialist in French literature and comparative studies. She is Professor at the Department of the History of Foreign Literatures at Saint Petersburg State University and author of five monographs including *From Romanticism to Symbolism. Essays on the History of French Poetry* (St. Petersburg SUP, 2005) and *The Facets of Creative Life: Essays on Charles Baudelaire* (Petropolis, 2015) as well as about 120 essays in collections and journals, including: *Studi Francesi, Essais sur le discours de l'Europe éclatée, Le Porche, and Bulletin de l'Association des amis d'Alfred de Vigny*.
tavissvs@mail.ru.

Virginie Tellier is an attaché for French at the French Embassy in Moscow; she is a specialist in comparative literature, comparative stylistics and linguistics, literary translation. In 2012, she defended a doctoral thesis entitled *Le discours du fou dans le récit romantique européen: Allemagne, France, Russie*. Her current research is on the history of comparative studies in Russia.
virginie.tellier@ifrussie.ru.

Dmitry Tokarev is a literary historian specializing in French-Russian cultural contacts. He is Leading Research Fellow at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences and Professor at the National Research Institute Higher School of Economics in St. Petersburg. He authored two monographs *Worstward Ho: Absurd as Text Category in D. Harms and S. Beckett* (NLO, 2002) and *"Between India and Hegel": Boris Poplavsky's Literary Work in Comparative Perspective* (NLO, 2011). He is the editor of "The Inexpressible Expressible": *Ekphrasis and the Problems of Representation of the Visual in the Literary Text* (NLO, 2013).
tokarevd@mail.ru.

Alexandra Urakova is a literary historian specializing in Poe's work and nineteenth-century American Literature. She works as Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. She is the author of *The Poetics of the Body in the Short Fiction of Edgar Allan Poe* (IWL RAS, 2009) and the editor of *Deciphering Poe: Subtexts, Contexts, Subversive Meanings* (Lehigh UP / Rowan and Littlefield, 2013). She has published in *NLO, New England Quarterly (NEQ), Nineteenth-Century Literature, The Edgar Allan Poe Review*, and various collections. She is a member of the Editorial Boards of *The Edgar Allan Poe Review* (since 2012) and of *Poe Studies* (2010—2014).
alexandraurakova@yandex.ru.

Jean-Christophe Valtat is a French writer, critic, researcher and works as Professor at the Paul Valéry University, Montpellier, France. He is the author of books on contemporary European fiction (Proust, James, the myths of avant-garde). His two monographs are on the poetics of contemporary European fiction: *Premières Leçons sur L'Éducation sentimentale, un roman d'apprentissage* (PUF, collection Major Bac, 1996) and *Culture et figures de la relativité* (Champion, 2004). He co-edited the

following collections: *Les Mythes des Avant-gardes* (with Véronique Léonard, PUBP, 2003) and *Modernités du suranné* (with Valéry Hugotte, PUBP, 2006).

jcvaltat@noos.fr.

Alexey Volsky specializes in hermeneutics, German literature and philosophy, philologist, and translator. He works as Associate Professor at the Department of Foreign Literature, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg). He is the author of the monograph *From Poetical Philosophy to Philosophical Poetry: A Study in Hermeneutic Interpretation* (Norma, 2008). He translated Schleiermacher's *Hermeneutics* (European house, 2004) and Novalis's *Fragments* (Vladimir Dal, 2014). Among his research interests are German poetry, problems of poetic language, Hölderlin, Novalis, Paul Celan, the relationship between poetry and philosophy, and German Romanticism.

volskij@mail.ru.

Olga Voltchek is a literary historian, teaches French and French civilization studies at the Faculty of Arts and Sciences of St. Petersburg State University. She is the author of works on Pierre Drieu la Rochelle, Russian and French literary connections, and the theory and history of translation. She translated the following authors from French: B. Vian, A. Robbe-Grillet, A. de Montherlant, J.-P. Sartre, P. Drieu la Rochelle, M. Leiris, C. Peignot, G. Deleuze, L. Boltanski, M. Surya, and A. Badiou.
olvoltchek@hotmail.fr.

Valery Zusman is a specialist in the literatures of German-speaking countries, comparative studies, and the theory of intercultural communication. He works as Director of the Nizhny Novgorod Branch of the National Research Institute Higher School of Economics. He is the author and co-author of five monographs that include *Literature and Methods of its Study: A Systematic-Synergetic Approach* (with V.G. Zinchenko and Z.I. Kirnoz; Flinta-Nauka, 2011), *Intercultural Communication: From Systematic Approach to Synergetic Paradigm* (with V.G. Zinchenko and Z.I. Kirnoz; Flinta-Nauka, 2007), and *Dialogue and Concept in Literature* (Dekom, 2001).
susmann1@yandex.ru.

- Quinn A.H. — 8, 48
 Rachman S. — 48, 85, 128, 130, 132, 458, 463, 475
 Remond R. — 218, 234
 Réveillard Ch. — 458, 475
 Rey A. — 308, 313
 Richard Cl. — 11, 14, 23, 48, 96, 116, 217, 234, 301, 329
 Richard D. — 229, 234
 Rieger D. — 87, 97
 Rilke R.M. — 258, 263, 466, 467
 Riot-Sarcey M. — 230, 234
 Robb G. — 82, 96, 234
 Robb-Grillet A. — 477
 Roger Ph. — 218, 234
 Rosenquist R. — 392, 403
 Rossetti D.G. — 427, 430
 Rousseau J.-J. — 65, 67, 456, 473
 Saer J.J. — 411, 413, 419
 Sainte-Beuve Ch. — 29, 48, 59, 69, 97, 310
 Saltus E. — 334, 344, 345, 468
 Saltus M. — 335, 345
 Sand G. — 456, 473
 Sapozkov S — 349, 361
 Sartre J.-P. — 311, 313, 447
 Scanlon J.P. — 129, 131
 Schellino A. — 459, 469, 475
 Schloezer B. de — 146
 Schmitz-Emans M. — 251
 Serman I. — 146
 Shelley P.B. — 220, 224, 234
 Smith Gr. — 396, 403
 Sorrentino F. — 407, 408, 419
 Souladié Y. — 389
 Starobinski J. — 312, 313, 439, 443
 Starr K. — 341, 345
 Stauffer D.B. — 191, 215
 Sterling G. — 342, 345
 Stiénon V. — 73, 74, 97
 Strada V. — 146, 386, 389
 Surya M. — 477
 Susmann V. — 349, 361
 Swain V.E. — 65, 67
 Tellier V. — 460, 463, 476
 Thélot J. — 59, 65, 67, 329
 Thompson G.R. — 121, 131, 175, 199, 215, 234
 Thompson V. — 335, 345
 Tintner A. — 183, 187
 Todorov T. — 140, 146, 219, 234
 Toussenel A. — 321
 Tritter V. — 133, 146
 Troubetzkoy W. — 136, 146
 Urakova A. — 8, 48, 119, 131, 233, 465, 476
 Vaillant A. — 48, 96, 108, 116
 Valk T. — 238, 251
 Valtat J.-C. — 456, 462, 476
 Vax L. — 219, 234
 Venturelli A. — 389
 Vercellone F. — 389
 Verne J. — 460, 473
 Victoroff T. — 363, 375
 Vietta S. — 235, 236, 251
 Vigny A. de — 459, 476
 Vogué E.M. de — 183, 188, 465
 Wachtel A. — 158, 162
 Wagner R. — 233, 384, 387, 389, 475
 Walker I. M. — 47, 125, 223, 234
 Walter G. — 7, 17, 48, 98, 116
 Wanner A. — 348, 361, 372, 375
 Ward R. — 153, 162
 Weir D. — 331—343, 345
 Ziegler J. — 101, 116, 217, 227, 229, 233, 234, 313
 Ziff L. — 330, 345
 Zwinger L. — 181, 188

POE, BAUDELAIRE, DOSTOEVSKY: SPLENDORS AND MISERIES OF NATIONAL GENIUS

CONTENTS

- Sergey Fokine, Alexandra Urakova. Introduction. On Our Readings and Differences* 5

PART I

VOICES, SPACES, AND FIGURES OF MODERNITY

- Jean-Christophe Valtat. Demons of Perversity: Poe, Baudelaire, Dostoevsky, and the New Subject of Modernity* 51
Olga Voltchek. City Topology and Narrative Masks in Poe, Baudelaire, and Dostoevsky 68
Anne Pinot. The Odd in Poe, the Odd in Baudelaire, and the Fantastic in Dostoevsky: Modern Life and Unreliable Language 98
Stephen Rachman. Hearing Poe's Sociopaths: Crime, Punishment, and Voice 117
Virginie Tellier. From New Extraordinary Tales to Notes from the Underground: Speaking in the First Person 132
Marie-Christine Alix Garneau de Lille-Adan. "Génie du christianisme" in the Light of Poe, Baudelaire, and Dostoevsky 147

PART II

DEMONOLOGIES AND ORNITHOLOGIES

- Elvira Osipova. The Devil in Poe's Tales and Dostoevsky's *The Brothers Karamazov** 165
*Irina Golovacheva. The Battle with the *Alter Ego*: From Poe to Henry James* 176
Elina Absalyamova. The Languages of the Odd: Terror, Laughter, and Creativity 189

<i>Tim Farrant, Alexandra Urakova.</i> Birds of a Feather: Birds, Transcendence, and the Uncanny in Poe and Baudelaire	216
Alexey Astvatsaturov. Black Jackdaw, Raven, Woodpecker: The Motifs of Birds in Jean Paul, Poe, and Nietzsche	235
<i>Alexey Volsky.</i> Birds in Baudelaire, George, and Rilke: A Study in Comparative Poetology	252

Part III**NATIONAL GENIUSES, THEIR ASSOCIATES AND OPPONENTS**

<i>Sergey Fokine.</i> "American Genius" in the Light of the Judgments of Barbey d'Aurevilly, Baudelaire, and Dostoevsky	267
<i>Sandy Pecastaing.</i> Baudelaire and "Poor Eddie"	302
<i>Tatiana Sokolova.</i> Impossibility of Choice: Baudelaire between the "Impeccable" Gautier and the "poète maudit" Poe	314
<i>Olga Panova.</i> The Idols of the Mauve Decade: Poe, Baudelaire, and the American Bohemia of the 1890s	330
<i>Sergey Sapozhkov, Valery Zusman.</i> Prince Alexander Ourusov on Baudelaire in the French Symbolist Periodicals of the 1890s	346
<i>Dmitry Tokarev.</i> "Their Baudelaire": Baudelaire's Reception by Russian Immigrants of the First Wave. Berberova, Adamovich, Poplavsky	363

PART IV**BETWEEN FICTION AND SPECULATION**

<i>Andrea Schellino.</i> Poe, Baudelaire, Dostoevsky: "Dangerous Liaisons" in the Light of the Decadence Theory of Late Nietzsche	379
<i>Andrey Astvatsaturov.</i> Baudelaire's Paris in T.S. Eliot and Henry Miller	390
<i>Maria Nadyarnykh.</i> "Sinister List": Poe, Baudelaire, and Dostoevsky. In the World of Words and Innuendos of Jorge Luis Borges	404
<i>Tatiana Boborykina.</i> Focus on Infinity: Poe, Baudelaire, and Dostoevsky in the Artistic Perspective of Eisenstein	420
<i>Fyodor Dvinyatin.</i> Poe, Baudelaire, and Dostoevsky in the Works of Roman Jacobson	431
Summaries and Keywords	462
List of Contributors	472
Index	478

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Фокин, Александра Уракова.</i> Введение. О наших прочтениях и разочтениях	5
---	---

ЧАСТЬ I**ГОЛОСА, ПРОСТРАНСТВА И ФИГУРЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

<i>Жан-Кристоф Вальта.</i> Демоны перверсии: По, Бодлер, Достоевский и новый субъект модернитета	51
<i>Ольга Волчек.</i> Топология города и повествовательные маски у По, Бодлера, Достоевского	68
<i>Анн Пино.</i> Причудливое По, причудливое Бодлера и фантастическое Достоевского: современная жизнь и недостоверности разума	98
<i>Стивен Рэкмен.</i> Слушая социопатов По: преступление, наказание, голос	117
<i>Виржини Телье.</i> От «Новых необычайных историй» к «Запискам из подполья»: писать от первого лица	132
<i>Мари-Кристин Аликс Гарно де Лиль-Адан.</i> «Гений христианства» в свете По, Бодлера и Достоевского	147

ЧАСТЬ II**ДЕМОНОЛОГИИ И ОРНИТОЛОГИИ**

<i>Эльвира Осипова.</i> Черт в рассказах По и в романе Достоевского «Братья Карамазовы»	165
<i>Ирина Головачева.</i> Битва alter ego: от По до Генри Джеймса	176
<i>Элина Абсалимова.</i> Языки необъяснимого: страх, смех и творчество ..	189
<i>Александра Уракова, Тим Фэррент.</i> Братья по перу: птицы, трансцендентное и «жуткое» у По и Бодлера	216
Алексей Аствацатуров. Черная галка, ворон и дятел: мотивы птиц у Жан Поля, По и Ницше	235
<i>Алексей Вольский.</i> Птицы Бодлера, Георге, Рильке: опыт сравнительной поэзологии	252

ЧАСТЬ III
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГЕНИИ, ИХ СООБЩНИКИ И ПРОТИВНИКИ

Сергей Фокин. «Американский гений» в свете суждений Барбе д'Оревильи, Бодлера и Достоевского.....	267
Сэнди Пекастэнг. Бодлер и «бедный Эдди»	302
Татьяна Соколова. Невозможность выбора: Бодлер между «безупречным» Готье и По — избранником «проклятой судьбы».....	314
Ольга Панова. Кумиры «сиреневого десятилетия»: По, Бодлер и американская декадентско-богемная культура 1890-х	330
Валерий Зусман, Сергей Сапожков. Князь А.И. Урусов о Бодлере: по материалам французской символистской периодики 1890-х гг.	346
Дмитрий Токарев. «Их Бодлер». Восприятие Бодлера в русской эмиграции первой волны: Берберова, Адамович, Поплавский	363

ЧАСТЬ IV
МЕЖДУ ВЫМЫСЛАМИ И ДОМЫСЛАМИ

Андреа Скеллино. По, Бодлер, Достоевский: «опасные связи» в свете теории декаданса позднего Ницше.....	379
Андрей Аствацатуров. Бодлеровский Париж в текстах Т.С. Элиота и Генри Миллера.....	390
Мария Надъярных. «Порочный список»: По, Бодлер, Достоевский. В мире слов и недомолвок Борхеса	404
Татьяна Боборыкина. Фокус на бесконечность: По, Бодлер, Достоевский в пространстве Эйзенштейна	420
Федор Двинятин. По, Бодлер, Достоевский в работах Романа Якобсона	431

Аннотации и ключевые слова	444
Сведения об авторах	455
Summaries and keywords	462
List of contributors.....	472
Именной указатель	478
Contents.....	491

ПО, БОДЛЕР, ДОСТОЕВСКИЙ
Блеск и нищета национального гения

Дизайнер

Д. Черногаев

Редакторы

С. Фокин, А. Уракова

Корректор

О. Семченко

Компьютерная верстка

С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:

123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90^{1/16}

Бумага офсетная № 1

Печ. л. 31. Тираж 1500. Заказ № 8882/17.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область, Промышленная
зона Боровлево-1, комплекс № 3А, www.pareto-print.ru